

Фоменко Е.Г.

Запорожском институте имени гетмана Петра Сагайдачного
Межрегиональной академии управления персоналом (Украина)

ИДИОСТИЛЬ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА В ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье излагается концепция лингвотипологии художественного текста, в которой моделируемым объектом является идиостиль писателя. Выясняются лингвотипологические механизмы идиостиля Джеймса Джойса в пяти составляющих эпифанической модели художественного текста (макроструктура, текстостилевой концепт, персонализация, светоцветовая среда, топос пространственной одновременности).

Выдвижение на первый план проблемы описания лингвотипологических признаков художественного текста, имманентности текстовой структуры в генезисе художественного творчества [1; 2] обусловлено семиотическим подходом к тексту как центральному звену между языком и культурой [3: 507], качественным переходом от изучения организации художественного текста к его лингвотипологическим структурам и свойствам.

Сложившаяся исследовательская программа лингвотипологии художественного текста направлена на инвентаризацию типов художественного текста [4]. В нашей концепции в качестве моделируемого объекта выступает идиостиль писателя, создающий художественный дискурс всей совокупностью своих беллетристических текстов, независимо от их типа и жанра, и индивидуально преломляющий типовую модель художественного текста эпохи. Под идиостилем писателя понимается коммуникативно-когнитивное пространство языковой личности, освоенный ее идиолектной нормой потенциал языка художественной литературы, лингвотипологический вариант типовой модели художественного текста своего времени.

Построение лингвотипологии художественного текста через моделирование языкового и концептуального пространства в идиостиле писателя имеет ряд преимуществ по сравнению с инвентаризацией типов художественного текста. Прежде всего, в идиостиле писателя прослеживается ярко выраженная тенденция к единообразию модели художественного текста. Далее, идиостиль писателя не остается в стороне от лингвотипологических новаций, обусловленных непрерывным освоением потенциала языка ху-

дожественной литературы другими идиостильями писателей, и, следовательно, входит в коллективный идиостиль эпохи. Наконец, описание лингвотипологических свойств, присущих коллективному идиостиллю эпохи, позволяет по-новому осветить проблему типов и жанров художественного текста на разных этапах развития языка художественной литературы.

Цель статьи – выяснить лингвотипологические свойства идиостиля Джеймса Джойса, повлиявшие на типовую модель художественного текста первой трети XX века.

Обращение к идиостиллю Джойса обусловлено рядом причин. Как известно, лингвистический универсум Джойса вобрал в себя художественную речь новоанглийского периода, продолжив языковые поиски Стерна, Вордсворта, Блейка и Джеймса. Перемена стиля, ассоциативная манера письма, внутренний монолог, диссоциация элементов, монтаж, отказ от традиционных повествовательных форм, игра смыслами, введение в текст интерпретатора описаны в сотнях академических работ. Их новое звучание делает Джойса крупнейшим европейским экспериментатором в художественном дискурсе современности.

Более того, лингвотипологические свойства, обнаруживаемые в идиостиле Джойса, прорастают в современных ему идиостильях писателей, впитываются ими и обобщаются в типовой модели художественного текста, закрепленной коллективным идиостилем эпохи. Трансформационный радикализм, приведший к ломке языковых литературно-художественных норм, распространился на художественный дискурс первой трети XX века.

Можно думать, что лингвотипологический вариант модели художественного текста, языковая и концептуальная целостность индивидуально-авторской концепции, философия познания внутреннего человека языком действующего сознания, присущие идиостилю Джойса, содержат значительный потенциал для языка художественной литературы, художественного типа текста и художественного дискурса современности, который еще предстоит познать и освоить.

Проведенный анализ лингвотипологического варианта модели художественного текста в идиостиле Джойса, начиная от набросков ранних эпифаний и заканчивая «Поминками по Финнегану» [5], убеждает в том, что в первой трети XX века произошел перелом в развитии художественного дискурса, причем не только англоязычного, но и мирового [6].

Вплоть до начала XX века повествовательная модель художественного текста доминировала в художественном дискурсе. В первой трети XX века она перерастает в эпифаническую модель художественного текста, в которой главенствует лингвотипологический принцип первичности языка.

Во-первых, впервые в истории английского художественного дискурса типовая модель художественного текста создается не отдельным художественным текстом, а всем идиостилем писателя. Лингвотипологический принцип единообразия модели художественного текста в идиостиле писателя обеспечивает ее языковую и концептуальную целостность.

Во-вторых, впервые идиостили писателей взаимодействуют друг с другом, накапливая отклонения от унаследованных литературно-художественных норм и возводя их совместными усилиями в статус лингвотипологических.

В-третьих, впервые широкомасштабные лингвотипологические изменения осуществляются отдельным идиостилем писателя, выполняющим функцию ядерного для коллективного идиостиля эпохи. Ядерный идиостиль писателя транспонирует на почву художественного дискурса своего времени новые лингвотипологические свойства, которые

подхватываются, типизируются и закрепляются другими идиостильями писателей в типовой модели художественного текста своего времени.

В-четвертых, впервые коллективный идиостиль первой трети XX века воплощает философию художественной дискурсивной деятельности, в которой язык первичен и осваивает свой потенциал в действующем сознании внутреннего человека.

В-пятых, впервые происходит разграничение ядерного и периферийных идиостилей писателей, различающихся последовательностью воплощения типовой модели художественного текста. Одни идиостили писателей более приближены по своим лингвотипологическим свойствам к ядерному идиостилю писателя, другие менее. Но как бы последние ни пытались оставаться в конвенциях старой модели, ростки новой неизбежно пробиваются в них.

Эпифаническая модель художественного текста обусловлена выдвиганием в системе координат художественного дискурса эпифанического искусства, органичного для художественных систем и направлений первых десятилетий XX века [7: 465]. Причиной ее закрепления в качестве типовой модели художественного текста в первой трети XX века является философская эстетика эпифании.

Современные взгляды на эпифанию разнообразны. Их можно суммировать так: эпифеномен; «точка во времени»; тип образного мышления; внезапная духовная манифестация предмета, сцены или запоминающегося поворота мысли; психологическая аллегория по отношению к современному европейскому городу; единица внутренней жизни; философия познания возможного мира; философия художественного творчества, ведущая к открытию и познанию истины [8].

Эпифаническая модель художественного текста приходит на смену повествовательной модели художественного текста, доминировавшей в англоязычном художественном дискурсе вплоть до начала XX века. Если повествовательная модель организует пространство действия, то эпифаническая модель, вырастая из первой, обращается к

дробной картине языкового сознания, которая собирается в качественно новое целое. В эпифаническую модель вовлекается весь языковой материал, предоставляемый отдельным художественным текстом, идиостилем писателя, коллективным идиостилем эпохи.

Эпифаническая модель художественного текста является лингвотипологическим конструктом, в котором различаются пять составляющих: макроструктура, тексто-стилевой концепт, персонализация, светоцветовая среда и топос пространства-времени.

Макроструктура, или когнитивная структура знания, накладываемая на конвенциональную суперструктурную схему рассказывания истории [9: 215], в эпифанической модели художественного текста строится с нарушением пирамидообразной иерархии в виде смыкаемо-размыкаемых колец:

1. Свернутая повествовательная модель художественного текста на вводе: **ВЫБОР**.

2. Надстройки базовых категорий «подготовка», «сцена» и «событие» в эпифанизации «нежданная встреча»: **СТОЛКНОВЕНИЕ ВЫБОРА**.

3. Фокус-эпифания как интерпретируемый эпифанический опыт: **ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ**.

Вторая составляющая, тексто-стилевой концепт, или лингвистический универсум, охватывающий концептуальную систему в идиостиле писателя, осваивается сопряжением противоборствующих смыслов с последующим снятием их антиномии в концептуальном пространстве **ИСТИНЫ СОПРИКОСНОВЕНИЯ (TOGETHERNESS)**.

Матрица тексто-стилевого концепта составляется квадратом, образованным бинарными оппозициями базовых концептов: 1) **ДЕЙСТВИЕ / НЕ ДЕЙСТВИЕ**; 2) **ЕДИНЕНИЕ / НЕ ЕДИНЕНИЕ**. Освоение концепта идет путем восстановления имплицитной стороны концепта через вхождение в канал идеализированного **СОПРИКОСНОВЕНИЯ** в кольцо фокуса-эпифании.

Третья составляющая, персонализация, в каждом макроструктурном кольце образует персонализационный ряд: 1) исходная антропоцепочка «некто»/ «такой»/ «существует»/ в заданном **ПРОСТРАНСТВЕ** и

ВРЕМЕНИ; 2) в процессе эпифанизации «некто»/ «изменяемый такой»/ «действует»/ «здесь и сейчас»; 3) в фокусе-эпифании обобщается «некто»/ «измененный такой»/ «здесь и сейчас».

Четвертая составляющая, светоцветовая среда, составляется шестью фокусами, или светоцветовыми пучками, по которым распознаются макроструктурные кольца: 1) фокус видения цвета; 2) фокус хроматического видения (первичный спектр); 3) фокус хроматического видения (вторичный спектр), 4) фокус подобия (цвет металла); 5) фокус ахроматического видения; 6) фокус фон, окружение.

Пятая составляющая, топос пространственной одновременности, организует три вида опыта: 1) предшествование пространственной одновременности; 2) собственно пространственная одновременность; 3) симультанный вневременной опыт общечеловеческого содержания.

В англоязычном художественном дискурсе первой трети XX века эпифаническая модель художественного текста наиболее полно и последовательно создается идиостилем Джойса. Его вариант эпифанической модели изменяет лингвотипологические свойства коллективного идиостиля эпохи, создает пространство художественного дискурса, в котором происходит непрекращающееся самопознание, собирание разрозненного, фрагментарного мира в языковое переживание внутреннего человека, проявляющееся во всем многообразии литературного языка и языка художественной литературы своего времени.

Идиостиль Джойса перестает быть относительно автономным явлением, новаторство которого содержит зародыши для обновления типовой модели художественного текста эпохи, как в идиостиле Л.Стерна, давшего первые языковые образцы техники потока сознания. Напротив, современные Джойсу идиостили писателей влияют друг на друга и совместно утверждают новую модель художественного текста, которая приводит к коренной смене художественного мышления, активизирует весь языковой потенциал своего времени.

Ядерное положение идиостиля Джойса в коллективном идиостиле первой трети XX века обусловлено следующим:

1. Лингвотипологические свойства идиостиля Джойса проникают в идиостилы современных ему писателей, преимущественно создающих традиционную повествовательную модель художественного текста. Ярким примером служит идиостиль Э.М.Форстера, в котором происходит неизбежное столкновение двух моделей.

2. Закреплению эпифанической модели художественного текста способствуют идиостилы писателей, построенные на сходных с Джойсом лингвотипологических принципах, например, идиостилы В.Вулф и У.Фолкнера. Они модифицируют и творчески преломляют джойсовский лингвотипологический вариант эпифанической модели (богатство цветоцветовой среды в идиостиле В.Вулф, тонкие переходы в топосе пространственной одновременности, размытые персонализации в идиостиле У.Фолкнера).

3. Внутренняя динамика идиостиля Джойса достигается множественными проекциями и пересечениями, пронизывающими его собственное языковое и концептуальное пространство художественного дискурса.

Целостность и последовательность эпифанической модели художественного текста, вовлечение в нее всего идиостиля писателя, ярко выраженная системность составляющих модели, полнота их лингвотипологического освоения – все это позволяет думать, что ядерный идиостиль Джойса берет на себя функцию проводника новой типовой модели художественного текста, вовлекая в нее коллективный идиостиль эпохи.

Таким образом, лингвотипологическая значимость идиостиля Джойса для английского литературного языка первой трети XX века состоит в коренной смене повествовательной текстовой модели эпифанической текстовой моделью. Идиостиль Джойса исчерпывает традиционную повествовательную модель художественного текста и инкорпорирует в нее эпифаническую текстовую модель, расширяет ассимилятивные возможности художественного текста, размывает границы между типом и жанром художе-

ственного текста, сближает разные типы и жанры, доводит ассоциативность до известного предела, систематизирует способы эпифанизации, выстраивает пространство художественного дискурса на единообразных лингвотипологических принципах.

Эпифаническая макроструктура Джойса регулярно произрастает из традиционной повествовательной структуры, отгалкивается от нее. От прежней иерархии остаются базовые повествовательные категории «подготовка», «сцена» и «событие», которые образуют первое кольцо «выбора». Они входят во второе кольцо «столкновение выбора» надстройками смысла как ментальными проекциями приписываемых им пропозиций. Во втором кольце протекает процесс эпифанизации, где все надстройки смысла базовых категорий, с выдвиганием той или иной категории, стягиваются к «нежданной встрече», поворачивающей ожидаемое «событие» в нетривиальное русло. Второе кольцо макроструктуры венчается фокусом-эпифанией, которому дается значение «встреча с самим собой».

Иначе говоря, эпифаническая макроструктура разрушает иерархию повествовательных категорий в кольце эпифанизации, куда вовлекается весь наличный потенциал языковых и текстовых структур своего времени. В процессе эпифанизации тесно взаимодействуют фонологические, морфологические, синтаксические, лексические, текстовые и гипертекстовые речевые составляющие. Серийность и ассоциативность эпифанизации проявляется в многочисленных повторах на всех лингвистических уровнях. Разнообразные циклические возвращения к базовым категориям и переходы в непрекращающихся надстройках смысла создают впечатление непрерывности возобновляемой макроструктуры, устремленной к максимально обобщенному фокусу-эпифании, в котором открывается идеализированная перспектива тексто-стилевого концепта.

Как показывает наше исследование, эпифанический тексто-стилевой концепт обобщает СОПРИКОСНОВЕНИЕ, которым вербализуются семантические смыслы противостоящих сторон ЕДИНЕНИЕ/ НЕ

ЕДИНЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ/НЕ ДЕЙСТВИЕ в их доминантных речевых составляющих together/ alone, movement/ rest. Нейтрализация противоборствующих сторон происходит в идеализированной перспективе, где текстовые константы, обобщенные в сквозных текстовых константах, входят в канал идеализированной переживаемой духовной реальности СОПРИКОСНОВЕНИЯ.

Эпифаническая персонализация трансформирует исходного [некто]/[грешника]/ [тогда и там] в [Я]/[пробужденного от привычного состояния]/[здесь и сейчас]. К ее речевым составляющим относятся имена собственные, схематические повторы, смена персонализирующих регистров, детерминативы, существительные общего значения, числительные, адвербиализация и ряд других средств. Персонализирующие детерминативы, наряду с традиционными элементами, включают в себя композиты с местоименными словами и иноязычные детерминативы; они появляются с эллипсисом персонализирующего элемента, выделяются в отдельное предложение, повторяются в двойственной персонализации и т.п.

В эпифанической цветоцветовой среде фокусы хроматического и ахроматического видения сопрягаются с фокусом фона, окружения, влияющего на протекание эпифанизации. В ахроматическом видении доминирует белый, а в хроматическом – красный цвет. Вместе они формируют антиномию женского и мужского начал (первородный грех, положенный в основу персонализации). Светоцветовая среда эпифанизируется инокодовыми цветообозначениями, цветоименами, словами-саквожами, омофонами и т.п. Она осваивается в четком разграничении хроматического и ахроматического видения возможного мира, промежуток между которыми является сферой действия эпифанизации.

Эпифанический ирландский топос пространственной одновременности включает прошлый опыт, эпифанический опыт и симультанный вневременной опыт. Прошлый опыт осмысливается антиномией «used to»/ «after». Эпифанический опыт сигнализируется глагольными формами продолженно-

го вида, серийными причастиями I, восклицательными предложениями, темпоральными указателями «now»/ «here». Симультанным вневременным опытом передаются реалии культурно-исторического наследия Ирландии.

Обобщая сказанное, представляется возможным перечислить лингвотипологические свойства в идиостиле Джойса, повлиявшие на типовую модель художественного текста своего времени.

У Джойса эпифаническая макроструктура зиждется на: 1) вертикальном соположении базовых повествовательных категорий; 2) исчерпанию потенциала базовой повествовательной категории в надстройках смысла; 3) формировании нового опыта в кольце эпифанизации; 4) экспликации «нежданной встречи» всем ходом эпифанизации; 5) цикличности; 6) разнообразии комбинаторики и серийности речевых составляющих эпифанизации; 7) открытости эпифанической макроструктуры, выходящей в художественный дискурс эпохи.

Лингвотипологическим принципом тексто-стилевого концепта в идиостиле Джойса является уровневость концептуализаций: 1) концептуальная сетка ранних эпифаний как минимальных текстов формируется экспликацией трех сторон концепта, по которым восстанавливается матрица тексто-стилевого концепта; 2) концептуальная сетка блочного типа является текстовой константой, выдвигающей одну из сторон противоборствующего концепта, требующую снятия антиномии путем вербализации трех остальных сторон; 3) концептуальная сетка типа текста «рассказ» вербализует семантические смыслы СОПРИКОСНОВЕНИЯ в повторах заглавных слов через их тезаурусные и ассоциативные связи в тексте; 4) концептуальная сетка серийных текстов вербализует семантические смыслы СОПРИКОСНОВЕНИЯ через опосредованную проекцию заголовка одного текста в другой текст, включая двойные опосредованные повторы. Тексто-стилевой концепт, сопрягаемый с перспективой идеализированного СОПРИКОСНОВЕНИЯ, вербализует лингвистический универсум, в который

входят основные духовные и культурные концепты первой трети XX века.

Лингвотипологическим принципом эпифанизирующей персонализации является трансформация персонализационных рядов в антропоцепочке персонажа при переходе от одного макроструктурного кольца к другому: 1) «некто» пробуждается; 2) он преобразуется в ходе эпифанизации; 3) трансформация охватывает изменяющееся представление о внутреннем человеке.

Лингвотипологическим признаком светоцветовой среды в идиостиле Джойса являются переходы фокусов ахроматического и хроматического видения в фокус фона, окружения при вхождении в процесс эпифанизации. Речевые составляющие светоцветовой среды образуют антиномии: 1) видение в зависимости от времени суток: «dark» (black): light (white, gold); 2) видение в зависимости от освещенности места: «darkness» (black): brightness» (red); 3) видение как подобие: «fade» (pale, grey, rose): «glow» (red, gold); 4)

грехопадение, мужское и женское начала: white»: «red».

Ирландский топос пространственной одновременности, который у Джойса образует живую языковую среду Дублина первой трети XX века, в трех видах опыта универсализует общечеловеческий топос.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что идиостилем Джойса заложены лингвотипологические принципы эпифанической модели художественного текста, которую можно обобщить как ЭПИФАНИЗАЦИЮ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ПРОБУЖДАЮЩЕГОСЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА В СВЕТОЦВЕТОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ. Перспективой дальнейшего исследования является выявление лингвотипологических свойств, заимствованных у Джойса идиостильями писателей, остававшихся, преимущественно, в конвенциях повествовательной модели художественного текста.

Список использованной литературы:

1. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.
2. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // ВЯ. 1994. №3.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
4. Бабенко Н.С. К итогам Международной конференции «Типология текстов и традиции их функционирования» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. №5.
5. Фоменко Е.Г. Типологическое в идиостиле Джеймса Джойса: Монография. Запорожье, 2004.
6. Hulle D. Textual awareness: a genetic approach to the late works of James Joyce, Marcel Proust, and Thomas Mann. Dissertation...Doktor in de Taalen Letterkunde an de Universitaire Instelling Antwerpen. Antwerpen, 1999.
7. Taylor C. Sources of the self: The making of the modern identity. Cambridge, 1989.
8. Вежа М. Epiphany and the epiphanies // A companion to Joyce Studies. L., 1984.
9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.